

Маргарита Азарова

Краски Алкишоны

Москва
Грифон
2017

Маргарита Азарова

Краски Алкионы

«Грифон»

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Азарова М.

Краски Алкионы / М. Азарова — «Грифон», 2016

ISBN 978-5-98862-325-0

«Тут на какое-то мгновение померк свет, а потом, казалось, вспыхнул ещё ярче, и рядом с господином я увидела не то девушку, не то птицу – аккурат с господина ростом. Голова была человеческая – красивое лицо, длинные, пышные такие волосы, а вот вместо рук были крылья, а вместо человеческих ног – птичьи лапы с огромными когтями, я даже услышала, как они, эти когти, в тишине цокают, будто каблучки. А издали – смотришь, она вроде есть, эта дева-птица, но вроде как её и нет, она вся соткана из воздуха»... Ключевое слово для сюжета этой книги – тайна. Тайна гения и его творений, тайна художника и его большой любви. Энергия любви волшебна, кто освещен ею, может сам творить чудеса.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98862-325-0

© Азарова М., 2016
© Грифон, 2016

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	16
Глава 7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Маргарита Азарова

Краски Алкионы

© М. Азарова, 2016

Предисловие

Я взял на себя смелость изложить некоторые факты из жизни моего друга Марселя. В первую очередь – в память о нём, хотя надеюсь, что он здравствует и поныне, где-то в неведомом мне мире, который составляет его счастье, и уповаю на то, что после публикации книги его творчество получит ещё больший резонанс. Каждый художник ищет признания своих творений, отклика родственной ему души, я ступаю на стезю проводника к его творчеству – к его картинам, к тому, что он ценил больше всего в жизни, не мысля себя ни в каком другом ремесле. Думаю, он бы не возражал и более того – был бы мне признателен за это.

Повествование будет основываться на дневнике Марселя, наших беседах с ним, его письмах ко мне и моих к нему. Кстати о дневнике: я до сих пор пребываю в недоумении – кто является отправителем бандероли, в которой кроме дневника Марселя не было больше ни одного послания, записки или чего-нибудь похожего на объяснение. Почерк на пакете ничего мне не говорил, а мои графологические умозаключения были настолько субъективны, что я их оставляю за занавесом. В любом случае отправитель – либо мужчина, либо женщина. Кому-то было необходимо, чтобы дневник попал ко мне в руки и, зная мой род занятий, не просто попал, а был обнаружен. Мои цели мне ясны, опять же, надеюсь – я всё делаю правильно.

Хочу для начала затронуть тему родителей Марселя, хотя, возможно, это ему было бы не совсем приятно, но для общего антуража событий я немного о них упомяну. Сразу оговорюсь: я с ними не был знаком и практически ничего о них не знаю. Марсель всегда уклонялся от моих расспросов о том, как ему жилось с родителями, далёкими от творчества, да и его духовного состояния вообще; предпочитающими сытный ужин книге, не говоря уже о театре или картинной галерее...

Оба они приехали из захолустных деревушек в стремлении к лучшей сытой жизни – голодные дети войны с узким мировоззрением о хлебе насущном, и кто их в этом упрекнёт? Кто хотите, но только не я.

Отец шоферил на грузовой машине: этот нелёгкий труд приносил ему двойной месячный доход рядового инженера. Это давало возможность приобрести чудо техники того времени – телевизор и откладывать на чёрный день, что привело в дальнейшем к покупке кооператива в городе, близлежащем к его родной деревне, и женитьбе на своей первой юношеской любви. Мать была маляром, поэтому Марсель говорил, что он живописец во втором поколении. Впоследствии она в поисках мужского тепла без стеснения проводила ночи с посторонними мужчинами на кровати, находившейся в полутора метрах от кровати её сына. Признание этого факта было выболтано им случайно в момент душевной слабости, причём под воздействием алкоголя, и, думаю, не раз он пожалел о сказанном, но, как говорится, из песни слова не выкинешь.

Нетрудно было представить нечаянное совокупление двух молодых людей – его будущих родителей, случайно оказавшихся вместе в момент отдыха от трудов праведных, что привело к беременности его будущей матери и в связи с этим – браку совершенно непонимающих и в конечном итоге ненужных друг другу мужчины и женщины.

Но – да здравствует случай. Он дал возможность появиться на свет Марселю, хотя, ратуя за плоды совокупления хотя бы в таком виде, после дующее отношение самого же результата любви к участникам сих перипетий контролировать невозможно. Мне казалось, что он стеснялся своих родителей, и этим вызвано его нежелание о них говорить. Но, возможно, я ошибаюсь.

Передо мной дневник Марселя – письма, разложенные в хронологическом порядке. Что-то я домыслию и перескажу от третьего лица, чтобы тебе, читатель, лучше понять персонажи, попавшие в эту книгу. Ну, что же – я приступаю.

*С уважением к читателю,
друг и почитатель таланта Марселя,
ваш Вениамин К.*

Глава 1

Голова болела, болела настолько, что я не мог ни о чём думать – боль притупляла и эту возможность. Всё бы ничего. Подумаешь – головная боль, но повязка на моей голове говорила о большем. Значит, что-то со мной произошло. Но как, где и почему? А главное, кто я? Прикосновение руки к ране на затылке было нестерпимо болезненным. Возможно, она образовалась в результате падения, а возможно... я терялся в догадках. Не было сил подняться. Слабость сковала всё тело. Сколько прошло времени, сколько я вот так пролежал без движения? Было темно на улице, и в голове моей было не менее темно. Кто я, и что я тут делаю?.. – вопросы, блуждающие в тёмных закоулках моего сознания, не получали ответа.

Глава 2

Кровати, стоявшие вдоль обшарпанных больничных стен, загоразивали и без того узкий коридорный проход. Вениамин торопился к кабинету главврача. В регистратуре сказали, что он очень строг и принимает исключительно по расписанию. Оставалось полчаса, и Вениамин, делавший всегда всё заранее и впрок, боялся, что ему этого оставшегося времени будет недостаточно для серьёзного обстоятельного разговора, попутно думал о том, что люди, добровольно работающие в таком учреждении, изначально герои. Каждый день видеть человеческое горе и продолжать жить нормальной жизнью, строить планы на будущее... это люди особой закалки, избранные, другой касты, куда остальным дорога заказана.

Неведомо откуда выскочил санитар и со словами: «Ах, вот вы где», – буквально потащил его за собой по каким-то лестницам и коридорам, похожим на катакомбы, приведшим в патологоанатомическое отделение клиники. Откинув простыню с трупа на тележке, санитар вопросительно взглянул на Вениамина.

Наступила долговременная пауза.

Наконец санитар удосужился спросить:

– Вы его опознали?

Вениамин в недоумении отрицательно покачал головой.

– Это не он?

– Нет. А кого я должен опознать?

– По телефону вы сказали, что все приметы сходятся: вот родимое пятно на правом плече, седая прядь, наконец, татуировка на пальце... Это ваш брат или нет?

– У меня вообще нет брата.

– Так что же вы молчали? Шли за мной?

– Ну, знаете... – Вениамин развёл руками, не зная даже, что возразить в этой нелепой ситуации. – Лучше проводите меня к кабинету главврача, иначе я не успею с ним переговорить.

Когда Вениамин достиг двери заветного кабинета, главврач уже намеревался его покинуть, но, услышав о произошедшем недоразумении и узнав, к кому пришёл посетитель, пригласил его для беседы.

– Вы можете, конечно, к нему пройти, но у него посттравматическая амнезия, – предупредил он. – Возможно, ваш друг вас и не вспомнит. Он себя-то не помнит. Хотя больному нужны положительные эмоции, надеюсь, в вашем лице он их получит.

– Не сомневайтесь, доктор. Но всё же, как вы думаете, насколько быстро он сможет восстановиться? Ведь он молодой талантливый художник...

– Никто не сможет ответить на этот вопрос. Знаете, мы все находимся в зоне риска. И это не зависит от нашей собственной значимости. Его величество случай в любой момент может изменить нашу жизнь. На данный момент для него предприняты все меры лечебного воздействия. Сразу при поступлении была проведена операция на голове по удалению скопления крови, слава богу, разрушений в тканях мозга не было. Но устранить такое последствие черепно-мозговой травмы как амнезия не представляется возможным. А амнезия вашего друга – это вариант ретроградной амнезии, при которой потеря памяти бывает кратковременной, длящейся от нескольких часов до нескольких дней, но бывает и долговременной, а это уже годы.

– То есть, вы хотите сказать, надежда существует, что он может всё вспомнить в любой момент?

– Человеческий разум – очень тонкая материя, и что может послужить её восстановлению, предсказать невозможно. В каждом конкретном случае это свой импульс для нейронных связей, своя динамика выздоровления. Но это ещё не всё: у вашего друга помимо утраты

памяти нарушено зрение – его раздражают яркий свет и звуки. Что ж, будем продолжать лечение. Хорошо, что у него оказалась телефонная книжка, благодаря которой мы вас и разыскали. А то не знали, что и делать. Одет ваш друг прилично, а вот документов при нём нет...

– А кто его привёз?

– В том-то и дело, неизвестно. Мы нашли его лежащим на скамье приёмного покоя. Как он там очутился, никто не знает, кроме дежурной медсестры, хотя её рассказ трудно принять на веру. Он больше напоминает бред. И поскольку она всегда отличалась дисциплинированностью и даже некоторой педантичностью, мы всё же не взяли во внимание рассказанные ею небылицы, решив, что всё ей привиделось от усталости; знаете ли, работа такая тяжёлая и тем более – в ночные смены. А ноя вился ваш друг как раз в ночное время. И мы, ценя нашу медсестру как работника, даже отправили её в отпуск, пусть отдохнёт.

– А скоро она выйдет? Я хотел бы с ней поговорить.

– Я вам дам её адрес. Дело необычное, и любая информация не будет лишней для восстановления здоровья больного.

Они вошли в палату, где, свернувшись калачиком, словно малый ребёнок, положив под щёку сложенные ладони, лежал Марсель.

– Он спит. Сон для него сейчас лучшее лекарство.

– А можно его разбудить?

– Боюсь, это невозможно. Ему дали успокоительное. О следующем своём визите уведомите заранее. Может, мы застанем его в активной фазе бодрствования.

Вениамин не стал откладывать в долгий ящик поход к медсестре, дежурившей в ночь поступления Марсея в больницу, и так уже много времени было упущено.

Дверь открыла бледная сухонькая женщина со строгим лицом. Она достаточно приветливо спросила, что ему нужно, но при этом ни разу не посмотрела гостю в глаза, а блуждала взглядом вокруг Вениамина, будто стремясь увидеть нечто такое, чего не видят другие.

Кратко объяснив цель своего визита, Вениамин был приглашён внутрь обители этой выглядевшей иснуганно женщины. Потом он понял: она ждала хоть кого-то, с кем могла бы поделиться своими переживаниями, того, кто выслушал бы её серьёзно, не поднимая на смех.

Глава 3

Как же нестерпимо болит голова. Болеутоляющие таблетки приносят лишь кратковременное облегчение. Вчера врач сказал, что у меня был посетитель. Вот и сегодня ко мне приходил какой-то Вениамин и утверждал, что он мой друг с самого детства и называл меня именем города – Марсель. Я не против экзотических имён, даже красиво. Но кому пришла в голову эта идея? Неужели моей маме, которую, к моему великому огорчению, я не помню, как и моего отца и всего того, что было до того, как я осознал себя лежащим здесь, на больничной койке. Кто я такой на самом деле? Могу ли я верить этому Вениамину? Могу ли я верить всему тому, что он рассказывает обо мне? Возможно... Ведь после его утверждения, что я умею рисовать, я действительно почувствовал потребность в рисовании. И вот уже второй час после его ухода рисую в блокноте, что он оставил мне со словами обещания обязательно принести в следующий свой приход бумагу большего формата, кисти и краски.

Глава 4

В молодые годы я мечтала работать в школе с детьми и зачитывалась «Историей государства Российского». Много времени проводила в библиотеке, выискивая то, что не написано в учебниках. Хотела стать историком, – начала свой рассказ издалека медсестра, представившаяся Марией Григорьевной. Вениамин не перебивал её, помогая тем самым спокойно вспомнить все детали события, которое так интересовало его и потрясло её.

Интерьер комнаты с книжными стеллажами, занимающими более трети жилого помещения, старой, обветшалой мебелью, древностью каждого предмета, но тотальной чистотой с белоснежной накрахмаленной скатертью, присутствием неба и свежего воздуха без визуального присутствия оконных стёкол, – лучше всяких слов характеризовали хозяйку дома.

– Но обстоятельства сложились так, что об учёбе из-за болезни матери, единственной кормилицы в семье, пришлось забыть, – тем временем продолжала она. – Отец ушёл из жизни раньше, и причина его ухода достойна отдельного повествования. Скажу только, что мы не сразу жили в столице. А в тех местах, где родился отец, и куда после замужества к нему переехала мама, и появилась на свет я, довольствовались водой, как потом оказалось, не пригодной для питья, вызывающей болезнь желудочно-кишечного тракта. Отсюда и ранняя смерть отца и болезнь матери. Хорошие знакомые, видя наше бедственное положение, устроили меня на работу санитаркой в больницу; я и этой работе была рада. Да ещё под моим присмотром находился мой маленький братишка. И работа в ночные смены оказалась очень и очень кстати. Мама долго болела, так и не выздоровела, а я привыкла к этой нелёгкой профессии и, окончив медучилище, стала работать медсестрой. Помогла получить высшее образование брату, теперь он живёт в северной столице, женился на местной девушке, да и переехал к ней насовсем.

Взгляд Вениамина упал ей на руки, неизменно выдающие возраст женщины: руки с длинными пальцами, но сухой, будто черепашьей кожей, а у Марии Григорьевны – ещё и пропитанной дезинфицирующими средствами.

Возможно, когда-то она была привлекательна: непослушный локон, убираемый время от времени за ухо, всё ещё отливал медью. Старинные часы, висевшие напротив, символично напомнили своим мелодичным звоном о неизбежном движении времени.

– Почему-то я вам доверяю, – прервав рассказ, наконец подняла на него глаза эта рано увядшая, загнанная в угол обстоятельствами жизни женщина.

«И я вам», – подумалось ему, но он промолчал. Лишь одобрительно кивнул, боясь даже звуком своего голоса нарушить доверительную атмосферу.

Мария Григорьевна продолжала:

– Дежурство в ту ночь было обычное, всё как всегда: уколы, пилюли, градусники... Второй час ночи. Вроде все уgomонились, и я задремала за столом, положив под голову руки. Мы часто так делаем – и в глубокий сон не впадаешь, но как-никак отдыхаешь. И вдруг очнулась от какого-то шума; окно, находящееся как раз напротив моего стола, распахнулось, и в него влетела большая птица. Кажется – ничего особенного, ну влетела и влетела, но в том то и дело, что птица была необыкновенная: голова её была человеческая, а самое главное – птица казалась прозрачной, похожей на огромный плазменный сгусток. Но что было самым невероятным – это ноша влетевшей в окно птицы...

Ваш друг оказался её ношей. Она опустила его на диван и испарилась, словно её никогда не было.

Конечно, я в первый момент впала в столбняк. Я открывала рот, но не могла произнести ни звука, пыталась встать, но не могла, будто прикованная к месту. Но это было реальностью: на диване лежал человек без сознания и весь в крови. И когда я сама смогла прийти в себя, то

услышала его слова, произносимые в бреду. Единственное, что я разобрала или мне кажется, что разобрала, ведь я сама была не в себе, это слова: краски. Алкиона.

Тут она, взволнованно задышав, замолчала. Вениамин, желая дать ей успокоиться, боясь, что на этом рассказ и закончится, попросил у хозяйки ещё чаю. Похлопотав на кухне, заварив свежего чая, Мария Григорьевна спросила:

– Вы что-нибудь знаете о мифологических птицах Алконост и Сирин?

– В общих чертах. Видел картину Виктора Васнецова в Третьяковке и читал стихотворение Александра Блока. Помню последнее четверостишие:

Вдали – багровые зарницы.
Небес померкла бирюза...
И с окровавленной ресницы
Катится тяжкая слеза...

– А вы романтик, – тихо произнесла она.

– Есть немного.

– Я хочу показать вам одну статью, может, она прольёт хоть какой-то свет, приблизит нас к разгадке...

Вениамин склонился над статьёй, начинающейся словами:

«Негативная слава Лувра, заключающаяся в актах вандализма, совершаемых над произведениями искусства, не будем перечислять названия и художников, их создавших, – они и так известны всему миру, докатилась и до наших родных пенатов. Теперь Третьяковка переняла эту трагическую эстафету.

Наша русская земля богата творческими людьми, художниками различной жанровой направленности, среди них блистает гранями таланта русский художник-живописец и архитектор, мастер исторической и фольклорной живописи Виктор Васнецов. Известно, что Виктор Васнецов написал много картин в былинной и сказочной направленности – это и „Алёнушка“, и „Три царевны подземного царства“, и „Витязь на распутье“, и другие. Особо хочу отметить картину „Три богатыря“, которую художник писал 20 лет. Но, несмотря на такую преданность данному жанру и этой картине в частности, речь сейчас пойдёт не о ней. Вандалы свой взор обратили на картину „Сирин и Алконост. Песнь радости и печали“.

„Эта картина Виктора Михайловича Васнецова была написана в 1896 году. Произведение выполнено маслом на холсте размером 133x250 см. Картина находится в Государственной Третьяковской галерее. Сирин – птица-дева. В русских духовных стихах она, спускаясь из рая на землю, зачаровывает людей пением, в западноевропейских легендах – это воплощение несчастной души. Возможно, происходит от греческих сирен, в славянской мифологии – чудесная птица, чьё пение разгоняет печаль и тоску; она является лишь счастливым людям. Сирин – это одна из райских птиц, даже само её имя созвучно с названием славянского рая: Ирий. Однако это отнюдь не светлые Алконост и Гамаюн. Сирин – тёмная птица, тёмная сила, посланница властелина подземного мира. Алконост в русских и византийских средневековых легендах – райская птица-дева бога солнца Хорса, приносящая счастье, в апокрифах и сказаниях – птица светлой грусти и печали. Образ Алконоста восходит к греческому мифу об Алкионе, превращённой богами в зимородка“, – вот что можно прочесть в аннотациях к картине. Трагизм случившегося заключается ещё в том, что пострадала картина, по мнению экспертов, незначительно, а вот работница, будучи косвенным свидетелем произошедшего, находится на лечении в психиатрической больнице. Что всё же послужило причиной расстройства её психики? Достоверность информации из уст пациента подобной клиники в любом случае подвергается сомнению. Но то, что я услышал из её уст, мне придётся просто изложить дословно, потому что это выше не только моего понимания, но, должен сознаться, и воображения. Как

бы там ни было, но вот её рассказ, поначалу мне показавшийся довольно разумным: „Я, знаете ли, на пенсии. На жизнь, само собой, не хватает. И вот я устроилась работать в картинную галерею. Конечно, скучно работать на вешалке, да и пальто бывают такие тяжёлые, что я с трудом их удерживаю в своих изуродованных артритом руках, – и она протянула мне для обзора свои узловатые пальцы, будто я мог уличить её во лжи. – Хорошо, хоть мы на руки надеваем такие тёмные матерчатые защитные перчатки во время работы, а то я бы стыдилась своих рук. Помню, был конец рабочего дня. Обычно уже посетители спешат на выход, а тут – входит лощёный такой господин, как с обложки журнала; я ещё отметила про себя: хорошо, что без верхней одежды, не надо будет его дожидаться, если вдруг задержится в галерее. Я проследила за ним взглядом, даже выглянула из-за колонны, уж больно он был импозантный – на иностранца, одним словом, похож. Тут на какое-то мгновение померк свет, а потом, казалось, вспыхнул ещё ярче, и рядом с господином я увидела не то девушку, не то птицу – аккурат с господина ростом. Голова была человеческая – красивое лицо, длинные, пышные такие волосы, а вот вместо рук были крылья, а вместо человеческих ног – птичьи лапы с огромными когтями. Я даже услышала, как они, эти когти, в тишине цокают, будто каблочки. А издали смотришь – она вроде есть эта дева-птица, но вроде как её и нет, она вся соткана из воздуха. Я, как это выразиться, оторопела что ли.

Вот, думаю: чудеса, сон мне, верно, снится про эту проклятую работу. Совсем я заработалась, вот и мерещится всякое. Не знаю, сколько так времени прошло, но слышу опять каблочки – когти цокают, возвращаются. А барышня-птица стала такая, что до неё дотронуться можно, подошла ко мне близко и положила передо мной своё перо, потом исчезла, будто взлетела, а господина уже не было видно рядом“.

И тут работница Третьяковской галереи (в силу этических соображений её имени не называем) вынула из какого-то только ей ведомого потайного места перо и показала мне.

„Я закричала, – продолжала она, – но крика-то не услышала, видно, горло перехватило. Так я и побежала проверять – не случилось ли чего в галерее. Озираюсь – никого нигде не видно. Куда все подевались, ума не приложу. Посмотрела на часы, а от того времени, как я первый раз увидела этого статного мужчину, аж часа три прошло. То ли столбняк, то ли гипноз, но ничего не помню с того момента, как эта парочка пришла, и до того, как ушла. Побежала я осматриваться. Это уж потом я подумала, что надо на подмогу позвать, а в тот момент растерялась очень. Металась я так, металась по галерее и тут вижу – порошок какой-то рассыпан, присмотрелась, а это краска, вся будто в пыль растёртая, на полу, глаза-то поднимаю, а передо мной снова эта дева-птица, только на портрете – и не одна, а целых две. Я кому рассказываю – никто не верит, а перо показываю, так смеются, говорят: голубиное на улице подобрала. Скажи – надо нервишки подлечить, а я и не против. Я и сама готова в это не верить, только перо-то вот оно, что с ним-то делать?!“

Если вернуться к началу статьи, то, надеюсь, понятно, о какой картине идёт речь. Да, это с картины Виктора Васнецова „Сирин и Алконост. Песнь радости и печали“ вандалы сняли слой краски, и часть этой краски попала на пол. Объяснений пока этому поступку не находится.

Возмущение, которое испытывает общественность к данному акту вандализма, естественно. Но как относиться к истории, рассказанной работницей галереи, решать вам; я не берусь утверждать ни её истинность, ни вымысел. Я сам на распутье, но девушек-птиц наблюдать воочию мне ещё, скажу вам определённо, не приходилось».

Старинные часы отсчитали ещё одну порцию времени, заставив Вениамина слегка вздрогнуть и очнуться от раздумий, в которые его окунуло чтение. Он тепло простился с Марией Григорьевной. «Отзывчивые люди – такая редкость, – подумал он, – и как хорошо, что именно она дежурила в ту ночь, благодаря её действиям Марселю вовремя оказали медицинскую помощь...»

Глава 5

Вениамин оказался обязательным человеком и точно выполнил свои обещания. Но удивительно то, что я действительно помнил, как обращаться с кистью и красками. Я даже почувствовал себя на мгновение счастливым. Если бы, чёрт меня дери, вспомнить хотя бы ещё толику того, кто я и кем был до сего момента. Теперь молодые медсестрички забегают ко мне и наперебой просят нарисовать их портреты, хотя бы карандашом. Времени у меня между лечебными процедурами предостаточно, и я живописую с удовольствием. Ещё он принёс мои письма к нему и читал вслух, время от времени комментируя записи. Это было так захватывающе. Неужели это всё происходило со мной и, судя по датам на письмах, совсем недавно. И вызывало даже недоверие. Какая-то мистика, будто сеансы гипноза, похожие на те, что проводит доктор для возвращения моей памяти.

Глава 6

Князь сидел на шкуре медведя, расстеленной на скамье. Несмотря на молодые годы, он знал, что главная цель его жизни – это власть. Власть над всеми, и он никого не пожалеет, кто встанет на пути к цели. Как вот этот медведь, ставший украшением его ложа. О, этот могучий зверь помотал князя по непроходимой чащобе, прежде чем он не доказал, кто хозяин в лесу. И так будет с каждым. Ни родовые связи, ни мольбы не станут преградой для возвышения его княжеского величия над всеми...

Улыбка сладострастия легла на уста князя: Пусть каждый смерд знает: я хозяин над мужами, да и над их жёнами и всеми девками в моих владениях. Моя пахота всегда первая. Буду сеять своё княжеское семя там, где захочу, и оно взрастёт и станет опорой, оплотом имени владыки земли славян и не только славян.

Запах крови будоражит, зовёт в бой. Он за версту чувствует запах крови – эликсир, питающий силу, мощь мужчины-воина. Чем больше сражений, тем ближе его возвеличивание. Ему должны подчиняться все народы окрест. Но, помимо звериной силы, нужной в бою, важна и звериная хватка, хитрость в делах государственных. И он здесь не только для того, чтобы мечом махать. Он готов войти в лоно церкви, готов принять крещение, если это породит раболепие, подчинение народа. Византия сейчас зависит от мощи его дружины, и принятие их веры – это не уступка, это княжеская стратегия, важная стратегия. Породниться с правителями Византии – значит, дать понять всему остальному миру: Русь сильна и могущественна. Признание величия Руси под его правлением самой Византией и другими странами, быть увенчанным короной императора, обладать скипетром, подчинить принцессу Византийскую... о, как это улаждает гордыню.

– Христианство – очень удобная религия, она уже господствует во многих странах. И Русь не останется на задворках. Русь будет единым государством, у неё будет один Бог и один великий князь. Эта религия делает меня государем ставленником самого Бога. И этот единый Бог возлагает на меня обязанность чинить порядок: не только защищать границы Руси, но и наказывать тех, кто выступает против моей власти и веры, а значит, выступает против Бога. И миловать тех, кто почитает в моём лице божественную справедливость, – не замечая, что уже давно говорит вслух, князь стукнул по столу кулаком. – Будет так, как я хочу.

Дружинник, вошедший в этот момент, замер: на кого направлен гнев князя? Хотя доклад не терпел отлагательств.

– Ну, что ты топчешься в дверях, проходи, коль вошёл. Что, опять волхвы мутят воду? – не дожидаясь доклада, бросил князь. Его глаза загорелись недобрым огнём.

– Пусть только попробуют приблизиться к воротам погоста, – воскликнул дружинник.

– А что, велика толпа?

– Да не малая, человек триста будет.

– Скажи им: если не выдадут зачинщика, то из каждой семьи по мужику будет гнить в темнице, а данью город обложу такой, о какой они и не слыхивали.

Не прошло и пяти минут, как пред глазами князя предстал седовласый бородатый старец в подпоясанном долгополом одеянии с длинными широкими рукавами, в колпаке с отверстиями на голове.

– Это с тобой, что ль, прикажешь воевать? – рассмеялся князь.

– Слово завсегда превыше силы было.

– Ты мне не дерзи. И сними свой скомороший колпак.

– Вот, сам вызвался из толпы, – вставил слово дружинник.

– Что, ты самый что ни на есть смелый и зачинщиком назовёшься?

– Зачинщик не зачинщик, а люди выбрали с тобой, князь, переговорить.

– Значит, ещё и самый умный. Ну, говори, слушаю тебя, – сказал князь и усмехнулся, проведя пятернёй по лохматой медвежьей шкуре.

– Сдаётся мне, княже, не веришь ты в свои силы?

– Ты говори, да не заговаривайся!

– Ты рубишь те корни, те основы, что питают ветви нашей жизни – твоей, моей, всего славянского народа, который нуждается в твоей защите. Не лишай веры свой народ, народ, что поддерживает тебя. Мы живём по законам природы и поклоняемся им, они всеильны. Никто, тем более любой незримый Бог, не обладает могуществом воздействия на эти высшие законы, на законы самой жизни.

– Ты мыслишь очень узко. Я делаю всё в интересах Руси, а значит – в интересах нашего народа. И если ты стар, глух и слеп, то не тебе меня учить, как поднимать и укреплять авторитет Руси, а значит, и народа русского. Это ты, что ль, печёшься о народе? Да всё твоё рдение – это травы, коренья, заклинания да тёмный заговор. Многим ли помог твой заговор: «Всемогущие Перун, Сварог и Белее, прошу вас, оберегите и сохраните сына Дажьбога от сглазов, от наговора, от заклинаний, от клеветы, от лжи и от слухов порочащих. Да пусть сбудется всё сказанное». Может, ты считаешь, что вся эта болтовня сравнится с мечом острым, разящим? Не смехи, старик! Только сила ведёт нас вперёд. Ты сильнее, значит, с тобой считаются, а если ты слаб, тобой помыкают и обращают в раба. Кто сильнее, тот и веру устанавливает. Вот закон природы. Вот закон жизни. Или, может, ты считаешь себя сыном божьим, как сказано в твоём заклинании?

– Я сын природы, значит, и её божественная часть.

– Бог один и сын у него один – Христос. Не слышал о таком?

Но...

– Всё, разговор окончен. Я сегодня в хорошем расположении, так что иди восвояси. Но если не успокоишь толпу и не успокоишься сам, пеняй на себя. Карать будем как бунтаря.

Дружинник с удивлением взглянул на князя. Что это с ним? Народ беснуется, готов уж на княжеское подворье ступить, не то гляди – взломают двери княжеских хором, а он отпускает этого кудесника.

Как только за волхвом закрылась дверь, князь произнёс:

– Вижу, недоволен ты моим решением. Не торопись. Я сказал только половину – она касалась его ушей. А тебе я скажу: проследи за ним и отправь кого-нибудь из наших, пусть в толпе потопчется, узнает ещё смутьянов. Этот старец-то навряд ли их нам укажет. Толпу силой устраши, а когда выявишь главных зачинщиков, их надобно будет умертвить и повесить на дубах у дороги, чтоб другим неповадно было: пусть их тела останутся на съедение зверям, хоть какую пользу принесут.

– А может, как и ране с кудесниками поступали – сжечь...

– Не как с кудесниками, а как с разбойниками поступим.

Боясь упустить старца, дружинник заторопился выполнять приказание князя.

А князь, нисколько не сомневаясь в его исполнительности, прилёг на скамью вздремнуть.

Снился ему лес. С каждым шагом лес становился всё гуще, всё дремучей. Вдруг совсем рядом услышал он рык матёрого медведя. А тут и сам он появился прямо перед ним – встал на задние ланы, оскалил острые клыки и угрожающе зарычал, обдав его тяжёлым звериным дыханием. Резко проснувшись, князь ощутил холодный липкий пот на лбу и ладонях. За окном стояла глубокая ночь. Не в правилах князя было задумываться над истолкованиями снов, вот и сейчас, отбросив наваждение сновидения, улегшись удобнее, он заснул крепким богатырским сном.

Утром другого дня верный дружинник предстал пред князем с докладом о вчерашнем бунте.

– Успеется, доложишь. Поднимем чарку, другую десятилетнего хмельного мёда из только что выкопанной бочки. Да что-то сильно я за ночь проголодался, ухи курячей хочется. И зови дружинников, вместе трапезничать будем.

Насытившись и повеселев от хмельного напитка, князь наконец спросил своего верного дружинника:

– Ну что, очистили землю русскую от кудесников?

– Очистили, княже. Всё прошло быстро: толпу разогнали, да из зачинщиков один этот старец-волхв и был, он и не сопротивлялся. Не ведал, что остатний день на солнце смотрит. Всё сделали и на дерево нечистого мертвяка привязали, как ты сказал. Да вот только утром его там не оказалось. Собралась толпа, и люди толковали, будто медведь угрыз кудесника и косточек не оставил. Другие баяли, будто медведь перегрыз те верёвки, коими он был связан, да и уволок его, а ещё сказывали, будто сам кудесник вдруг превратился в медведя, путы оборвал, да и убёг; вроде ему новая жизнь дадена, как милость богов за верность.

Князь сначала нахмурился, печать воспоминаний о вчерашнем сне омрачила его чело, а потом, рассмеявшись, сказал:

– Мы пойдём в лес, и забавы ради я посажу этого оборотня на рогатину.

Дружинники с весёлым одобрением приветствовали такие речи, подняв хмельные чаши за здравие князя, продолжили пир...

Глава 7

Преддверие сна встретило рёвом раненой белуги, оглушив в очередной раз своей страстью экзальтированной нимфоманки с верхнего этажа, впечатляющие габариты которой не могли привлечь ни тонкую организацию моей души, ни вибрации моего поджарого тела. Оставалось также загадкой, когда она снабжает свои тела энергетической подпиткой, так как казалось, что этот рёв имел место в любое время суток с невероятной частотой, а в промежутках между ними раздавался её клик-плач не справляющейся со своим неуёмным эротическим желанием, призывающей самца на случку. Иногда, не поверишь, мне тоже хочется быть таким же простейшим, чтобы мысли не лишали душевного равновесия, и в промежутках между соитиями я думал бы только об одном – о новом соитии. Её родители при случайной встрече в подъезде, как принято, здороваются со мной и с подобострастием заглядывают в глаза, будто извиняясь тем самым за дочь, производящую так много шума, доставляющего неудобство соседям, – выдав эту тираду. Марсель опустил в кресло напротив Вениамина. – Нет, ты мне скажи, вот ты – журналист, ты смог бы писать свои очерки, если бы тебя постоянно вовлекали в этот рок-И-ролл?

– Ты же художник, – давась от смеха, сказал Вениамин, – извлекай творческие нотки из рёва этой белуги, и всем будет польза. Изобрази сладкоголосую сирену, зовущую мореплавателя в свои объятия. Ты же так искусен, что можешь преобразовать звуки, услышанные в тишине ночи, в вечные живописные полотна.

– Перестань, это недостойная тебя грубая лесть в мой адрес.

– Нет, это ты умаляешь постоянно свой гений. Кстати, на тебя поступил заказ. На последней выставке, ты помнишь, мы познакомились с одним импозантным дядечкой, ну, с тем, что купил твой натюрморт? Он приглашает тебя к себе в загородный дом, написать портреты его дочерей.

– Почему я? Ты же знаешь, мне ближе пейзажи, натюрморты, портреты я пишу редко.

– Решение, конечно, за тобой. Не буду строить догадки, почему он остановил свой выбор на твоей кандидатуре, но, поверь, предложение очень престижное и многие твои коллеги просто лопнут от зависти.

Марсель задумчиво постучал курительной трубкой из бриара, выбивая из неё в пепельницу, стоящую на журнальном столике, остатки табака. Действие исключительно механическое, так как трубка была и так чиста, но, впадая в такую отрешённую задумчивость, он часто совершал бытовые, не требуемые в данный момент действия, на уровне рефлекса... Машинально достал из специального кисета новую табачную смесь, размяв пальцами, набил трубку, закурил, окутав пространство изысканным сладковатым запахом рома.

– Вишнёвый аромат мне нравится больше, – без энтузиазма на продолжение затронутой темы вкусовых пристрастий табака резюмировал Вениамин, одновременно внимая своему опыту общения с другом: размышления Марселя, подкрепленные курением, – признак углублённого самосозерцания и принятия решения.

– Как это кстати, однако, – выйдя из задумчивости, произнёс Марсель, – я как раз собирался сменить обстановку, вырваться из обыденности и как можно дольше не слышать крик раненой белуги. Новые впечатления, новая работа... я всё равно не смог бы долго быть праздным, да, очень кстати поступило это предложение, и почему бы мне не попробовать свои силы в новом жанре портрета, и не просто современного портрета, а, быть может, костюмированного, да, и исполнить его в новой для меня технике живописи?

– Обучаясь в художественной школе, ты, помнится, написал много портретов своих сокурсников и педагогов, у тебя это великолепно получалось.

– Возможно, но портрет – это большая ответственность. Ответственность, в первую очередь, перед самим собой как художником. Рисуя портрет, нужно не только зафиксировать анатомию человека, его платье, настроение, но уметь заглянуть в душу, показать даже то, что он сам о себе не знает или хочет скрыть. С природой всё ясно и понятно: она противоречива, непостоянна, но она не лжива, не двулична, если она не в настроении, то раздражается молнией, ураганом, ветром, свинцовыми облаками, увядшими цветами... Предметы натюрморта отражают свою истинную сущность: осколок римской вазы, бархат ткани, небрежно лежащий на столе, нож из дамасской стали – они открыты взору, и здесь наступает обратная связь... Глядя на изображённые предметы, каждый запечатлевает их красоту внешнюю, а их внутренняя красота передана художником отражением солнечных бликов от их поверхности, теплом или холодом, веющим от тени... В них внутренняя энергия художника, его взгляд, его мировоззрение, желаемое передать созерцателю его полотна. А портрету нельзя навязывать собственное видение объекта, оно должно быть объективно с точки зрения художника и субъективно с точки зрения внутреннего я человека, изображаемого на портрете.

– Мне кажется, ты слишком требователен к себе. Так и должно быть в творчестве: будь то натюрморт, пейзаж, портрет, да любой жанр живописи, зритель должен видеть тебя, отличать твою кисть от кисти любого другого художника. Это должна быть твоя правда, твоё индивидуальное решение, и ничьё иное, а люди, желающие увековечить себя на портрете, пусть сами разбираются со своим внутренним миром...

– Мне претит такой простой подход к тому, что я творю, это не ремесло, это искусство, результат которого может быть непредсказуем. Если я понимаю, что мой интеллект и художественные приёмы ещё недостаточно высоки для такого жанра живописи как портрет, то я не должен за него браться, а то, что я делал портреты в пору моей незрелости, вполне объяснимо именно отсутствием осмысления себя и своего места в искусстве. Портрет должен вызывать эмоции, глядя на него, должно вырабатываться отношение к человеку, изображённому на полотне, а не умиротворённое созерцание или, того хуже, плохо скрываемый зевок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.